

Н. А. Хребтов

**«Искоренение врагов и преступников»:
выполнение военнослужащими
гарнизонов Севера России задач
полицейского и фискального характера
во второй половине XVIII в.**

История гарнизонной службы в XVIII столетии, вопросы комплектования подразделений и военного образования, условия жизни и быт людей, проблема основных и второстепенных задач, вверяемых служащим, и другие стороны жизни гарнизонов начали получать всестороннее освещение в XXI столетии благодаря работам исследователей из разных регионов России. Наиболее комплексный современный труд, посвященный истории гарнизонных войск, написан А. В. Демкиным. Впервые предметом специального исследования стала законодательная база гарнизонной службы XVIII в.¹ Предметом исследования М. Е. Проскуряковой являются прибалтийские гарнизоны², история регулярной армии в Сибири в 1725–1796 гг. изучена А. В. Дмитриевым, проанализировавшим кадровый состав гарнизонных и полевых частей армии «на восточной окраине империи»³. Весомый вклад в изучение истории гарнизонных частей на Кавказе в XVIII в. внесли Н. Р. Байдуллаева, Н. Н. Гарунова и Н. Д. Чекулаев-Братченков⁴. И. Н. Плешаков изучил особенности проведения гарнизонной реформы 1764 г. на территории Саратовского Поволжья⁵; очерк истории гарнизонов Новгородской губернии в XVIII в. представлен в монографии И. В. Хохлова⁶. Историей гарнизонных частей в ряде регионов

Российской империи и повседневностью солдат также занимались такие исследователи, как Э.Л. Дубман, А.В. Новиков, Д.А. Лобанов, А.Г. Шкваров, С.В. Белоусов, Н.В. Назаренко⁷. В рамках современной историографии военной историей Русского Севера, в частности Новодвинской крепости и ее гарнизона, занимаются Р.А. Давыдов, И.М. Гостев и А.И. Бурменский⁸. В их работах приводится информация о численности солдат и офицеров в северных гарнизонах в XVIII в., о наличии артиллерии в крепостях, исследуются некоторые вопросы повседневной жизни военных. Таким образом, история гарнизонной службы России исследуется в различных регионах страны. Однако характер и разносторонность выполняемых им функций далеко не везде тщательно проанализированы. В частности, эти вопросы комплексно не были изучены на региональном уровне — на территориях Карелии и Архангельского Севера.

Исследование преимущественно основано на анализе гарнизонной делопроизводственной документации, хранящейся в фондах № 1 «Канцелярия Архангельского губернатора», № 1367 «Канцелярия генерал-губернатора Архангельского, Вологодского и Олонецкого», № 1538 «Архангелогородская гарнизонная канцелярия» Государственного архива Архангельской области (ГААО). Среди документов перечисленных фондов можно отметить:

- материалы о взыскании налогов с населения;
- формулярные списки;
- расходно-приходные книги жалования и провианта;
- дела о расследовании правонарушений военнослужащих;
- таможенные документы;
- ведомости о количестве войск;
- документацию лазаретов;
- дела о рекрутских наборах;
- о «состоянии воинских команд» в губерниях;
- документы о строительстве военных объектов и фортификационных работах;
- ведомости о сборе пошлин;
- дела, касающиеся конвоирования преступников и охраны тюрем военными.

Источником информации о военной службе в Олонецкой губернии служат материалы Национального архива республики Карелия (НАРК), а именно документы фондов № 396 «Олонецкое наместническое правление» и № 2 «Олонецкое губернское правление». Наиболее информативными документами в них являются:

- журналы присутствия Олонецкого наместнического правления;
- рапорты городничих, нижних земских судов «о состоянии городов и уездов»;
- ведомости о взыскании налоговых недоимок;

- документы о строительстве военных судов;
- рапорты военнослужащих;
- рекрутские дела;
- списки дезертиров;
- реестры о добровольно вступивших в воинскую службу;
- приходно-расходные документы о формировании, комплектовании и снабжении олонецкой конницы и прочих команд.

Анализ значительного числа перечисленных документов позволил определить, что служащие гарнизонов Русского Севера⁹ занимались не только военным делом, но и тратили много времени на выполнение задач полицейского и фискального характера.

Согласно указу Сената 1762 г., в случае необходимости для разгона «разбойничьих собраний» и конвоирования большого числа преступников можно было привлекать гарнизонных военных¹⁰. Так, привычной практикой в Архангелогородской губернии стало использование служащих гарнизонных батальонов в выполнении военно-полицейских задач. Например, в 1762 г. команда из 133 человек во главе с поручиком Лаврентием Фрязиным была направлена в Пустозерский острог¹¹.

Таким образом, перед российским правительством и особой воинской комиссией, учрежденной Екатериной II, стояла острая проблема — использование гарнизонных полков/батальонов для административных нужд. Для ее решения 10 октября 1762 г. были учреждены губернские роты, что фактически стало одной из первых военных реформ императрицы. Задержание, конвоирование и охрана преступников были поручены исключительно губернским канцеляриям во главе с губернаторами и воеводским канцеляриям, которыми управляли воеводы¹². Губернские роты должны были взять такие функции на себя, а военнослужащие гарнизонов, по задумке, должны были больше времени уделять боевой подготовке и учениям.

Губернские роты на Русском Севере появились не сразу после императорского указа 1762 г. Так, Архангельская губернская рота была учреждена лишь в 1766 г., но зато полностью укомплектована, в отличие, например, от Выборга. Местный вице-губернатор Н. Н. Энгельгардт донес Сенату, что в его регионе нет соответствующей команды. И он, вопреки запрету, был вынужден использовать гарнизонные команды «в губернских нуждах», в том числе для поимки преступников. Казанская губернская рота хотя и была учреждена, но штат также заполнен не был, команда была разослана в командировки по всей губернии и не могла выполнить все необходимые задачи¹³.

Сенатским указом от 27 апреля 1765 г. запрещалось использовать солдат инвалидной команды в сыске воров и иных преступников¹⁴. Если для несения караульной службы инвалидов на севере России периодически привлекали, то случаев использования их для поимки и конвоирования «колодников» не зафиксировано.

После губернской реформы 1775 г. должность воеводы как правителя уезда была заменена должностями городничего, возглавившего административную и полицейскую власть в уездном городе, и земского исправника (капитан-исправника), возглавившего власть в уезде. Состоявшие при воеводах канцелярии были закрыты. Их заменили городнические правления и нижние земские суды¹⁵.

Все правительственные указы, спускавшиеся в уезды, городничие передавали командирам команд: «Штатные команды, кои в городах находятся под командой городничего, который в случае опасности их собрать и потребить может для предохранения общего блага»¹⁶. Таким образом, для решения ряда полицейских задач городничие могли привлекать силы местного воинского контингента. Например, служащие Пустозерска, помимо караульной службы, также конвоировали арестантов, сопровождали ссыльных при переводе их из Пустозерского острога в другие места¹⁷. Военные из Онежской штатной воинской команды для организации конвоев и караулов направлялись в помощь местной полиции¹⁸.

Хотя дела, связанные с поимкой преступников, и поручались служащим губернских рот, на городские гарнизоны и местные воинские команды продолжали возлагать задачи полицейского характера, среди которых оставались конвоирование и охрана заключенных.

Удалось выяснить, что солдат из Архангельска отправляли в Санкт-Петербург для сопровождения арестантов и определения их к службе в порту¹⁹. Еще одно свидетельство относится к 1774 г., когда военнослужащие сопровождали преступников в Выборг. Всего дорога заняла 112 дней. Ввиду суровых климатических условий в пути один из нарушителей закона скончался. В 1787 г. прапорщик 1-го батальона Иванов и его команда на территории Соловецких остров охраняли Анзерский скит от воров, а в Кемь и Сумском остроге караулили пороховые, оружейные и хлебные кладовые²⁰.

Стоит отметить, что в 1785 г. в ходе очередных административно-территориальных изменений в Российской империи Кемский городок был переименован в город Кемь и сделан уездным городом Олонецкого наместничества²¹. Таким образом, служащие выполняли караульные и военно-полицейские задачи не только в Архангельском наместничестве, но и на территории всего Архангельского и Олонецкого генерал-губернаторства. Ситуация изменилась с формированием Олонецкого егерского батальона в 1790 г., после чего служащих подразделения стали активно привлекать для конвоирования преступников, поиска беглых рекрутов и взыскания с помещиков «даточных» денег²².

В Казанской губернии для сопровождения осужденных на вечную ссылку на Нерчинские заводы также привлекались служащие местных гарнизонных батальонов. Правда, правительство не поощряло использование военных в конвойных операциях и обязывало использовать в качестве конвойных местных «обывателей». В Москве, например, создавалась воинская команда из 100 че-

ловек отставных военнослужащих, «не вовсе престарелых и дряхлых, а паче не увечных», которая должна была заниматься искоренением корчемства, т. е. тайного производства и продажи алкоголя²³.

Во время правления Екатерины II правительство уделяло значительное внимание проблеме дезертирства в армии. В сентябре 1763 г. Сенат издал указ, обязывавший губернаторов и воевод активно разыскивать беглых солдат, число которых, по данным Сената, было значительным. С упразднением воеводских канцелярий эти функции перешли городничим, комендантам и капитан-исправникам. Так, поиск бежавших из Белозерского пехотного полка, расквартированного в Каргопольском уезде Олонецкого наместничества в 1789 г., был поручен городничим в уездных административных центрах региона²⁴, а вопросом сыска беглого солдата из петрозаводской штатной воинской команды в октябре 1785 г. занимался петрозаводский комендант поручик Судницын²⁵.

После задержания дезертиров предписывалось доставлять в ближайшие воинские подразделения для суда, а затем беглецов определяли в армейские части. Помимо возвращения в воинскую часть служащего дополнительно наказывали телесно. Так, бежавшего в 1788 г. солдата 1-го архангельского батальона Андреяна Веселкова прогнали через шпицрутены и вырезали ноздри²⁶.

Аналогичным указам предыдущих лет являлся именной указ, принятый Сенатом в октябре 1766 г., призывавший всех военнослужащих, находившихся в бегах, добровольно возвращаться к своим частям или местным властям до мая 1767 г. Тогда дезертирам гарантировалось освобождение от наказания. В противном случае к неявившимся и повторно сбежавшим, а также к лицам, укрывающим их, применялись меры в соответствии с действующим законодательством. Так, в мае 1789 г. за укрывательство беглого егеря Кирилла Вястиева его родной брат Егор был наказан плетью и отдан в качестве рекрута на военную службу²⁷.

В дальнейшем сенатские указы продлевали сроки возвращения дезертиров: в 1772–1774, 1779, 1780, 1782 гг.²⁸ Примечательно, что к стандартному списку беглых военнослужащих, включавшему солдат, драгун, матросов и рекрутов, были добавлены яицкие и донские казаки. По всей видимости, после восстания Емельяна Пугачева за казаками установили более жесткий надзор.

В Военной коллегии накопилось множество донесений о солдатах, сбежавших из одной воинской части в другую, что объяснялось стремлением уклониться от наказания. Было решено возвращать этих беглецов в их прежние полки или гарнизонные батальоны для наказания за «продерзость». Военные патрули осуществляли рейды по городам и сельской местности, проверяли документы, проводили обыски и задержания, пресекая попытки дезертиров скрыться и вернуться к мирной жизни. Вместе с тем подчеркивалась важность изучения обстоятельств, спровоцировавших бегство (с отсылкой на вероятные злоупотребления со стороны офицерского состава).

Выполнение всех вышеперечисленных обязанностей было делом государственной важности в вопросах внутренней безопасности. Дезертиры устраивали беспорядки, к которым периодически присоединялись различные маргинальные группы населения, например бедные крестьяне. Показательно дело 1790 г. о беглом рекруте Мануиле Ферневе. В неоднократных бегах Фернев устраивал грабежи, оказывал сопротивление с использованием огнестрельного оружия при попытках задержания. В одном из очередных побегов встретился с другими дезертирами, и «командой» в восемь человек скитались по губернии, кормились хлебом у местного населения²⁹. Разумеется, беглые искали пропитание не только милостынею, но и «крадуче» у крестьян³⁰, что вызывало рост недовольства в деревнях и напряженную обстановку в уездах.

Наибольшую опасность для государства дезертирство представляло во время военного положения. В годы русско-шведской войны 1788–1790 гг. по требованию графа И. А. Тизенгаузена губернатор Т. И. Тутолмин отдал распоряжения кемскому и повенецкому капитан-исправникам об оперативном поиске сбежавших со своих постов 26 стрелков из располагавшихся в Олонце драгунских эскадронов. Т. И. Тутолмин приказал полностью укомплектовать местные воинские команды для поимки дезертиров в лесах³¹.

Учитывая важность соблюдения общественного порядка и поддержания спокойствия внутри губернии, за недобросовестное отношение к служебным обязанностям и нарушения военных наказывали. В 1788 г. велось следственное дело над фурьером 1-го батальона Иваном Дьячковым, флейтистом 2-го батальона Василием Серковым и прапорщиком Булатовым за побег двух преступников из-под их охраны. Троице грозила смертная казнь, но была заменена разжалованием Дьячкова в рядовые, прогоном Серкова восемь раз через 500 человек со шпичрутенами, а Булатова арестовали и посадили на месяц на хлеб и воду. Смягчающим обстоятельством, по рапортам командиров, стало «уважение за беспорочную раннюю службу офицера и юность лет солдат»³².

Нельзя не согласиться с М. Е. Проскураковой, по мнению которой, наказание смертной казнью за дезертирство выглядело весьма логичным решением властей, стремившихся суровостью кары для провинившегося предотвратить правонарушения других служащих³³, тем самым обеспечивая строгую дисциплину в воинских частях и внутреннюю государственную безопасность.

Тем не менее в большинстве случаев выносимый вердикт последней судебной над военными служащими инстанции — Военной коллегии, заменял смертную казнь на другие виды наказания.

Еще одна задача, вверяемая гарнизонным частям, закреплялась 150-й статьей 13-й главы «Учреждений для управления губерний Всероссийской империи», посвященной хранению денежной казны. В документе отмечалось, что для ее охраны и сопровождения необходимо организовывать воинский караул³⁴. Отчетные документы команд включали информацию о данных служебных задачах: служащие Мезенской команды находились «при денежной казне

в карауле»³⁵; «при казначействе для хранения денежной казны» службу несли военные Лодейнопольской штатной команды³⁶; в «Повенце трое рядовых местной воинской команды охраняли казну»³⁷ и т. д.

Помимо охраны гражданских и военных объектов сенатскими указами закреплялась и фискальная функция служащих гарнизонных частей, связанная с пополнением казны. Разрешалось использование, или, как написано в документе, «употребление», воинских чинов для сбора податей вместе с казенными сборщиками, а также в случае «упрямства плательщиков»³⁸. Или, как писал историк Ю. В. Готье, для «выколачивания податей из населения»³⁹.

Основное бремя сбора налогов на территории Архангелогородской губернии ложилось на плечи служащих местной губернской роты, а после 1784 г. — дополнительно на Олонецкую губернскую роту, действовавшую на территории Карелии. Известно, что военные занимались взысканием налоговых недоимок, несли караулы у денежной казны, а также занимались перевозкой средств из уездных городов в губернские центры, Санкт-Петербург или Москву. Нередко военнотружущим приходилось заниматься «понуждением» сбора налогов.

С учетом того, что губернская рота включала 132 солдата и офицера, даже при наличии полного штата решить все административные проблемы по сбору налогов не представлялось возможным. В таком случае, как и для решения задач полицейского характера, местная власть активно привлекала для этого другие подразделения.

Согласно делопроизводственной документации Гарнизонной канцелярии Архангелогородской губернии, в 1760-е гг. подушный сбор производился оставшими унтер-офицерами и солдатами⁴⁰. Известно, что в 1770-е гг. в Яренск посылалась команда от 2-го архангельского батальона для взыскания там штрафов⁴¹. По всей видимости, такое решение было принято в силу дефицита воинских кадров в Яренском уезде.

Такая практика применялась повсеместно. Известно, что в Выборге местные воинские части отправлялись в командировки для сбора государственных податей⁴². Служащие Астраханского гарнизона регулярно несли службу «у денежных сборов»⁴³.

Таким образом, вся гарнизонная система Русского Севера была задействована для решения важных для государства задач военно-полицейского и фискального характеров. Среди основных — конвоирование преступников, сыск беглых военнотружущих, охрана казны, помощь в сборе налогов с населения.

Эффективность выполняемых задач, безусловно, имела свои ограничения, обусловленные дефицитом личного состава, сложностью логистики и обширностью территорий. Хотя выполнение этих задач и поручалось правительством местным губернским ротам, даже полностью укомплектованного штата команд не хватало для исполнения вверяемых функций на территориях Архангельского и Олонецкого наместничеств. В силу нехватки личного состава губернских

рот, усиленных штатными воинскими командами, возникала потребность в привлечении более крупных воинских формирований. Гарнизонные и егерский батальоны, дислоцированные на обширных территориях Русского Севера, оказывались незаменимыми в решении задач, связанных с поддержанием порядка и обеспечением внутренней безопасности. Стоит отметить, что дефицит военных в штатах был также характерен для гарнизонов центральной и южной частей государства. Итак, российскому правительству решить проблему освобождения гарнизонных служащих от выполнения задач невоенного характера в рассматриваемый период не получилось.

Централизация управления и координация усилий между различными воинскими подразделениями достигалась за счет объединения нескольких губерний под единым генерал-губернаторством. Это позволяло оперативно перебрасывать войска и ресурсы из одной губернии в другую, обеспечивая гибкость и эффективность реагирования на возникавшие проблемы. Возможность выполнения задач за пределами собственной губернии подчеркивала интегрированный характер общей гарнизонной системы, направленной на поддержание стабильности и безопасности в регионе.

Роль гарнизонных служащих в борьбе с дезертирством также имела большое значение в поддержании внутреннего порядка Российской империи. Помимо охраны тюрем и конвоирования преступников, служащие активно привлекались к розыску и задержанию дезертиров, беглых каторжан и других лиц, уклоняющихся от исполнения воинской обязанности или совершивших уголовные преступления. Эта деятельность была особенно важна в военное время, когда число дезертиров резко возрастало, представляя серьезную угрозу для боеспособности армии и стабильности тыла.

Следует также отметить роль гарнизонных военных в решении проблем, связанных со сбором государственных податей. Когда местные власти не в силах были самостоятельно собрать налоги с населения, им приходилось привлекать силы военнослужащих гарнизонных частей. Охрана казны и содействие в сборе налогов являлись важными задачами для обеспечения стабильных поступлений в региональную казну и пополнения государственного бюджета.

Резюмируя сказанное выше, можно сделать вывод, что система гарнизонов Русского Севера во второй половине XVIII в. представляла собой гибкий и эффективный инструмент, направленный на поддержание законности, порядка и экономического благополучия региона и государства.

¹ Демкин А. В. Гарнизоны на территориях России XVIII — начала XIX в.: размещение, численность, функции, условия пребывания. М., 2023. 244 с.

² Проскуракова М. Е. 1) «Из определенных к Остзею»: Гарнизоны крепостей Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века. Петрозаводск, 2012. 179 с.; 2) Гарнизонные

- школы Выборга и Кексгольма в первой половине XVIII века (социальное происхождение школьников и педагогические средства обучения) // Вестник ТГУ. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2009. № 7. С. 100–107.
- ³ *Дмитриев А. В.* Русская регулярная армия в Сибири (1725–1796 гг.): особенности военной службы на «восточной окраине» Российской империи в XVIII столетии. М.; СПб., 2018. 528 с.
 - ⁴ *Байдуллаева Н. Р.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке: история Кизлярского гарнизона (1735–1800 гг.) // Материалы V Международной студенческой научной конференции. URL: <https://clck.ru/3Ме6fZ> (дата обращения: 20.05.2022); *Гарунова Н. Н.* Российская императорская армия на Кавказе в XVIII веке. Махачкала, 2011. 620 с.; *Чекулаев-Братченков Н. Д.* Низовой корпус на Кавказе: история гарнизона Крепости Святого Креста (1722–1735 гг.). Махачкала, 2011. 208 с.
 - ⁵ *Плешаков И. Н.* Реформа гарнизонов 1764 г. и Саратовское Поволжье // Военно-исторические исследования в Поволжье: сборник научных трудов. Вып. 8. Саратов, 2008. С. 33–39.
 - ⁶ *Хохлов И. В.* Между миром и войной. Очерки истории гарнизонов Новгородской земли, губернии и области в XVII — первой половине XX в. СПб., 2019. 592 с.
 - ⁷ *Дубман Э. Л.* Гарнизоны городов Южного Средневолжья на рубеже XVII–XVIII вв.: на примере Самары, Сызрани и Кашпира // Вестник архивиста. 2012. № 2. С. 152–163; *Новиков А. В.* Штатные роты и команды. Каменск-Уральский, 2014. 84 с.; *Лобанов Д. А.* Триста лет на страже города. История гарнизона Перми XVIII–XX вв. Ч. 2. Пермь губернская. Век восемнадцатый. Пермь, 2022. 64 с.; *Шкваров А. Г.* Гарнизон Роченсальма в 1790–1850-х гг. // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. 2019. № 21 (1). С. 41–49; *Белосусов С. В.* Формирование Пензенского внутреннего губернского батальона // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 83–97; *Назаренко В. Н.* Реформы гарнизонных войск Российской империи XVIII в. (На примере Киевского гарнизона) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Гродно, 2015. № 2 (197). С. 46–52.
 - ⁸ *Бурменский А. И.* 1) Организация таможенных постов в дельте Северной Двины в первой половине XVIII века // Беломорские чтения. Вып. 4. Архангельск, 2021. С. 76–80; 2) Вооружение и гарнизон Новодвинской крепости в тридцатых — сороковых годах XVIII в. // Статьи и материалы III и IV конференций «Памятники фортификации: история, реставрация, использование». Архангельск, 2016. С. 93–105; *Гостев И. М.* Информация об Архангелогородском (Двинском) гарнизоне во время Северной войны (1701–1721) // Защитники Отечества: Материалы научных конференций: XXX, XXXI, XXXII общ.-науч. чтений. Вып. 13. Архангельск, 2014. С. 9–29; *Гостев И. М., Давыдов Р. А.* Русский Север в войнах XVI–XIX веков. Архангельск, 2014. 262 с.
 - ⁹ К гарнизонной системе Русского Севера автор относит 1-й и 2-й архангельские гарнизонные батальоны, Олонецкий егерский батальон, губернские роты, штатные воинские команды в уездных городах, Архангельскую инженерную команду, артиллерийские команды Новодвинской крепости и Кольского острога, гарнизон Соловецкой крепости.
 - ¹⁰ *Демкин А. В.* Гарнизоны на территориях России XVIII — начала XIX в. С. 145.
 - ¹¹ Государственный архив Архангельской области (ГААО). Ф. 1. Оп. 1. Т. 4. Д. 7780. Л. 127.
 - ¹² ПСЗ РИ-1. Т. XVI. № 12187. С. 808.
 - ¹³ *Демкин А. В.* Гарнизоны на территориях России XVIII — начала XIX в. С. 143.
 - ¹⁴ ПСЗ РИ-1. Т. XVII. № 12385. С. 123–124.
 - ¹⁵ Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. М., 1775. С. 16.
 - ¹⁶ *Новиков А. В.* Штатные роты и команды. С. 19.
 - ¹⁷ *Окладников Н. А.* Пустозерск и Пустозерье. Из истории Печорского края. Архангельск, 2010. С. 139–140.
 - ¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 219. Л. 3 об.
 - ¹⁹ ГААО. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 28г. Л. 31 — 32 об.
 - ²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 309. Л. 5 об.
 - ²¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1895. С. 928–930.
 - ²² Национальный архив Республики Карелия (НАРК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 54. Л. 256, 338, 385.

- ²³ Демкин А. В. Гарнизоны на территориях России XVIII — начала XIX в. С. 144.
- ²⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 473. Л. 4.
- ²⁵ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 312. Л. 1 об.
- ²⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 399. Л. 3. Л. 6.
- ²⁷ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 891. Л. 2.
- ²⁸ Демкин А. В. Гарнизоны на территориях России XVIII — начала XIX в. С. 156–157.
- ²⁹ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 1094. Л. 2–6.
- ³⁰ НАРК. Ф. 2. Оп. 61. Д. 18/254. Л. 81.
- ³¹ Там же. Л. 1–5.
- ³² ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 368. Л. 3, 4, 43 об.
- ³³ Проскурякова М. Е. «Бежав ис полку...»: феномен дезертирства в контексте истории судебной практики первой половины XVIII века // Вестник НГУ. Сер. История. Филология. 2014. Т. 13. Вып. 8. С. 84.
- ³⁴ Учреждения для управления губерний Всероссийския империи. С. 43.
- ³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 2. Т. 1. Д. 209. Л. 113–114.
- ³⁶ ГААО. Ф. 1367. Оп. 2. Д. 140. Л. 2.
- ³⁷ Там же. Д. 1488. Л. 1.
- ³⁸ ПСЗ РИ-1. Т. XVIII. № 13226. С. 798.
- ³⁹ Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. I: Реформа 1727 года. Областное деление и областные учреждения 1727–1775 гг. М., 1913. С. 318.
- ⁴⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 1. Т. 3. Д. 5765. Л. 1.
- ⁴¹ Там же. Т. 5. Д. 9163. Л. 1.
- ⁴² Проскурякова М. Е. «Из определенных к Остзею». С. 34.
- ⁴³ Плешаков И. Н. Реформа гарнизонов 1764 г. и Саратовское Поволжье. С. 36.

References

Burmenskiy, A.I. Organizatsiya tamozhennykh postov v delte Severnoi Dviny v pervoi polovine XVIII veka [Organization of Customs Posts in the Northern Dvina Delta in the First Half of the 18th Century. In Russ.]. In *Belomorskiye chteniya*. Iss. 4. Arkhangelsk, 2021, pp. 76–80.

Burmenskiy, A.I. Vooruzheniye i garnizon Novodvinskoi kreposti v tridsyatykh — sorokovykh godakh XVIII v. [Armament and Garrison of the Novodvinsk Fortress in the 1730–1740. In Russ.]. In *III i IV konferentsii "Pamyatniki fortifikatsii: istoriya, restavratsiya, ispolzovaniye"*. Arkhangelsk, Novodvinka publ., 2016, pp. 93–105.

Chekulayev-Bratchenkov, N. D. *Nizovoi korpus na Kavkaze: istoriya garnizona Kreposti Svyatogo Kresta (1722–1735 gg.)* [Lower Corps in the Caucasus: History of the Garrison of the Holy Cross Fortress (1722–1735). In Russ.]. Makhachkala, 2011. 208 p.

Demkin, A. V. *Garnizony na territoriyakh Rossii XVIII — nachala XIX vv.: razmeshcheniye, chislennost, funktsii, usloviya prebyvaniya* [Garrisons in the Territories of Russia in the 18th — Early 19th Centuries: Accommodation, Number, Functions, Conditions of Stay. In Russ.]. Moscow, Direkt-Media publ., 2023. 244 p.

Dmitriyev, A. V. *Russkaya regulyarnaya armiya v Sibiri (1725–1796 gg.): osobennosti voyennoi sluzhby na "vostochnoy okraime" Rossiyskoi imperii v XVIII stoletii* [The Russian Regular Army in Siberia (1725–1796): Features of Military Service on the "Eastern Outskirts" of the Russian Empire in the 18th Century. In Russ.]. Moscow, St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ publ., 2018. 528 p.

Garunova, N. N. *Rossiyskaya imperatorskaya armiya na Kavkaze v XVIII veke* [Russian Imperial Army in the Caucasus in the 18th Century (In Russ.)]. Makhachkala, Dagestanskii gosudarstvennyi universitet press, 2011. 620 p.

Gostev, I. M. Informatsiya ob Arkhangelogorodskom (Dvinskom) garnizone vo vremya Severnoi voyny (1701–1721) [Information on the Arkhangelsk (Dvina) Garrison During the Northern War (1701–1721). In Russ.]. In *Zashchitniki Otechestva: Materialy nauchnykh konferentsii: XXX, XXXI, XXXII obshch.-nauch. chteniya*. Iss. 13. Arkhangelsk, 2014, pp. 9–29.

Gostev, I. M., Davydov, R. A. *Russkii Sever v voynakh XVI–XIX vekov* [Russian North in the Wars of the 16th–19th Centuries. In Russ.]. Arkhangelsk, Fond razvitiya Solovetskogo arhipelaga publ., 2014. 262 p.

Khokhlov, I. V. *Mezhdru mirom i voinoi. Ocherki istorii garnizonov Novgorodskoi zemli, gubernii i oblasti v XVII – pervoi polovine XX v.* [Between Peace and War. Essays on the History of the Garrisons of the Novgorod Land, Province and Region in the 18th – First Half of the 20th Century. In Russ.]. St. Petersburg, Kriga publ., 2019. 592 p.

Novikov, A. V. *Shtatnye rotы i komandy* [Staff Military Companies and Commands. In Russ.]. Kamensk-Uralskii, 2014. 84 p.

Okladnikov, N. A. *Pustozersk i Pustozerye. Iz istorii Pechorskogo kraya* [Pustozersk and Pustozerye. From the History of the Pechora Region. In Russ.]. Arkhangelsk, IPP “Pravda Severa” publ., 2010. 395 p.

Pleshakov, I. N. Reforma garnizonov 1764 g. i Saratovskoye Povolzhye [The Garrison Reform of 1764 and the Saratov Volga Region. In Russ.]. In *Voyenno-istoricheskiye issledovaniya v Povolzhye*. Iss. 8. Saratov, 2008, pp. 33–39.

Proskuryakova, M. E. “Bezhav is polku...”: fenomen dezertirstva v kontekste istorii sudebnoi praktiki pervoi poloviny XVIII veka [“Having Fled from the Regiment...”: the Phenomenon of Desertion in the Context of the History of Judicial Practice of the First Half of the 18th Century. In Russ.]. In *Vestnik NGU. Ser. Istoriya. Filologiya*. 2014. Vol. 13, iss. 8, pp. 82–92.

Proskuryakova, M. E. “Iz opredelennykh k Ostzeju”: Garnizony krepostei Vyborga i Keksgolma v pervoi polovine XVIII veka [“From Those Assigned to the Baltic Sea”: Garrisons of the Vyborg and Kexholm Fortresses in the First Half of the 18th Century. In Russ.]. Petrozavodsk, Petrozavodskii gosudarstvennyi universitet press, 2012. 179 p.

Proskuryakova, M. E. Garnizonnye shkoly Vyborga i Keksgolma v pervoi polovine XVIII veka (sotsialnoye proiskhozhdeniye shkolnikov i pedagogicheskiye sredstva obucheniya) [Garrison Schools of Vyborg and Kexholm in the First Half of the 18th Century (Social Origin of Schoolchildren and Pedagogical Teaching Aids). In Russ.]. In *Vestnik TGU. Gumanitarnyye issledovaniya. Humanitates*. 2009. Iss. 7, pp. 100–107.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Н. А. Хребтов. «Искоренение врагов и преступников»: выполнение военными гарнизонами Севера России задач полицейского и фискального характера во второй половине XVIII в. // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 9–20. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_9

Аннотация: Гарнизонные войска как неотъемлемая составляющая русской армии были созданы при Петре I, и в течение XVIII столетия реформировались и претерпевали структурные изменения. Помимо этого, менялся и функционал данного рода войск. В обширной современной историографии, посвященной службе в гарнизонах в XVIII в., рассматриваются вопросы задач и функций военных, но оценки всему комплексу обязанностей дано не было. Тем временем фонды Государственного архива Архангельской области и Национального архива Республики Карелия хранят значительное число рапортов, промеморий, списков «состояния команд», отчетов городничих, распоряжений генерал-губернатора и других материалов, подробно раскрывающих данную тему на региональном уровне. На основе анализа делопроизводственной документации гарнизона Севера России и законодательных актов удалось сделать вывод, что задачи полицейского и фискального характера занимали значительное место в должностных обязанностях гарнизонного служащего.

Ключевые слова: гарнизоны, русская армия, гарнизонная служба, Русский Север, Государственный архив Архангельской области, Национальный архив Республики Карелия, Российская империя, Екатерина II, губернская рота, губернская реформа, Гарнизонная канцелярия, Олонецкое наместничество, Архангелогородская губерния, гарнизонные батальоны, егерский батальон, дезертирство.

FOR CITATION

N. A. Khrebtov. “The Eradication of Enemies and Criminals”: the Performance of Police and Fiscal Tasks by Military Personnel of the Garrisons of the North of Russia in the Second Half of the 18th Century // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 9–20. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_9

Abstract: Garrison troops, as an integral part of the Russian army, were created under Peter the Great. During the 18th century, they were reformed and underwent structural changes. In addition, the functionality of this type of troops has also changed. Extensive modern historiography devoted to service in the garrisons in the 18th century examines the problems of military service and tasks but does not provide a comprehensive assessment. The funds of the State Archive of the Arkhangelsk Region and the National Archive of the Republic of Karelia store a significant number of reports, lists, orders and other materials covering this topic in detail. Based on the analysis of the Russian North garrisons' office records and legislative acts, it was possible to conclude that police and fiscal tasks occupied an important place in the official duties of the garrison officer.

Key words: garrisons, Russian army, garrison service, Russian North, State Archives of the Arkhangelsk Region, National Archives of the Republic of Karelia, Russian Empire, Catherine II, provincial reform, Garrison Chancellery, Olonetskaya vicegerency, Arkhangelogorodskaya government, garrison battalions, Jaeger battalion, desertion.

Автор: **Хребтов, Никита Андреевич** — заведующий отделом научно-просветительских программ ГБУК АО «Архангельский краеведческий музей»; ассистент кафедры Отечественной истории ВШСГНиМК ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова» (Архангельск, Россия).

Author: **Khrebtov, Nikita Andreevich** — Head of Scientific and Educational Programs Department, Arkhangelsk State Lore Museum; Assistant at the Department of Patriotic History, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia).

E-mail: ya.nax1999@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-5746-3457